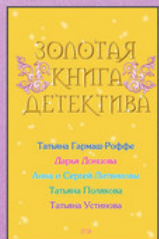

Анна и Сергей Литвиновы

У ночного костра

Часть сборника
Золотая книга детектива
(сборник)

Анна и Сергей Литвиновы

У ночного костра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169588

Золотая книга детектива: сборник рассказов: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-30633-6

Аннотация

«– Товарищ старший лейтенант госбезопасности! Агент «Оракул» вышел в заданную точку! Встреча состоялась!

– Вольно, вольно, сержант. Продолжайте наблюдение...»

Анна и Сергей Литвиновы

У ночного костра

Реконструкция реальных событий.

*Имена, фамилии, псевдонимы действующих лиц
и географические названия изменены.*

- Товарищ старший лейтенант госбезопасности! Агент «Оракул» вышел в заданную точку! Встреча состоялась!
- Вольно, вольно, сержант. Продолжайте наблюдение.

Четверо сидели у костра. Ночь предстояла долгая.

На многие километры вокруг – ни человека, ни жилья. Ни огонька, ни отсвета фар. Ни единого звука, порожденного цивилизацией. Только ветер шумит в кронах деревьев, откуда-то издалека доносится шум горного потока, да в дебрях леса звучат порой голоса его исконных ночных обитателей: вдруг заушает сова, заплачет шакал, засопит, завозится ёж... Горный воздух обморочно чист и свеж, а иссиня-черное небо над головами усыпано мириадами разнокалиберных звезд.

Всполохи разгоревшегося костра ясно высвечивают лица и фигуры сидящих подле него людей. Даже по их позам ясно, что они – не ровня друг другу, они встретились здесь не случайно и не праздну, их собрало дело, а вот какое – пока бог весть...

Один, самый старший, расположился у огня уверенно, похозяйски. Живой свет пламени высвечивает его худое морщинистое бритое лицо. В руках у него длинный прут, которым он временами поправляет горящие ветки – словно архитектор строит костяк костра. На голове его сванская шапочка, на плечи накинута бурка, ноги в мягких разношенных сапогах, рядом на земле – большая пастушья сумка. Но он не горец, он настоящий русак, с правильными, благородными чертами лица. На первый взгляд старик занят только очагом, весь сосредоточен на его горении – однако нет-нет да и оглядит тех, кто сидит напротив, и тогда его умные черные глаза вспыхивают пронзительным огнем; взгляд их трудно вынести.

– Вы искали меня, – наконец говорит он глубоким звучным голосом. – Зачем?

Трое других переглядываются. Двое молодых мужчин и одна юная женщина. По их позам и жестам, неуверенным, настороженным, слегка опасливым, можно сделать вывод, что они здесь гости. Они не знают, чего им ждать от нынешней встречи. Одежда их запылена, видимо, они совершили долгий путь. Одеты они так, как в представлении горожан следует наряжаться в дальние походы и вылазки в горы: все трое, даже девушка, в спортивных брюках, заправленных в шерстяные носки. Стопы защищают тяжелые ботинки, торсы прикрывают непромокаемые куртки. На траве лежат два вещмешка и брезентовый рюкзак. А вот с головными убора-

ми у путников разноразной: самый молодой – в кепке с длинным козырьком, тот, что постарше, – в шляпе, а девушка – в войлочной панаме с широкими полями.

Самый молодой порывисто сдергивает с головы кепку.

– Разве это мы нашли вас? Разве не наоборот? Мы здесь расположились. Вы вышли к нашему костру...

Бритый старец, не глядя, отмахивается от него.

– Софистика, молодой человек, софистика... Оставим силлогизмы, пусть в них философы играют... Начнем с простого... Представимся друг другу... Моей настоящей фамилии вам не надобно, зовут меня Алексей Викентьевич, но вы можете называть меня Стариком. Это моя давняя партийная кличка, а сейчас она стала соответствовать действительности, не правда ли?

Он делано смеется. В свете костра становится вдруг видно, какие у него старые руки: мосластые, с вспухшими суставами, вздувшимися венами, усыпанные коричневыми пятнышками – возрастной гречкой.

– В прежние времена, – продолжал он, – вам положено было бы первым делом представить мне даму. – Его глаза остановились на девушке и озорно блеснули, с далеко еще не растроченной магнетической силой. Столько во взгляде оказалось гипнотической мужской страсти, что девушке даже стало не по себе, и она опустила взор. – Однако теперь, – старик скривил рот, – правила хорошего тона, сдаются мне, безвозвратно утеряны. Да и, кажется, вы сами едва знакомы

друг с другом...

– Вы правы! – воскликнула девушка. – С Аркадием мы встретились всего две недели назад, – она дружески стиснула запястье старшего гостя. – Это он подбил меня поехать сюда на ваши поиски; точнее, не на *ваши* конкретно, а на поиски *чего-то*... А с Дмитрием, – взгляд в сторону молодого в кепке, – мы познакомились только вчера, по дороге на Рицу... Поэтому, в нарушение всего *этикету*, – девушка исковеркала последнее слово и озорно тому рассмеялась, – я представлюсь сама. Зовут меня Софья; не Соня, заметьте, не Сонечка, в этих именах есть что-то сонливое, ленивое... Я не такая, я – Софья, знаете – Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья. «Мудрость» по-гречески, хотя некоторые утверждают, что я очень мало соответствую своему имени...

Старик пристально посмотрел на девушку. Нет никаких сомнений, что ее многословность – от волнения и неизвестности. И еще от смущения, оттого, что он ожег ее мужским взглядом. А ведь девушка чудо как хороша. Правильные черты лица, большие ясные глаза. Она похожа на актрису – из новых, играющую в фильмах. Говорили ли Софье, что она могла бы сниматься в кино? И сделать ослепительную карьеру? Знает ли она, добравшись сюда, на какую долю себя обрекает?

– Очень приятно, Софья, – церемонно поклонился старик. – Вы невзначай представили мне своих спутников. Рад встрече с вами, Аркадий... – Его взгляд остановился на стар-

шем, тот отрывисто кивнул в ответ. – И с вами, Дмитрий. – Самый молодой среди них тепло улыбнулся, сверкнули ослепительные зубы. – Чтобы не растекаться мыслью по дереву, давайте начнем.

Старик достал из кармана штанов две игральные кости. Дунул в них, потряс в сухих ладонях. Красноватые отблески костра вдруг сделали его лицо зловещим. Гости во все глаза наблюдали за его манипуляциями. Не раскрывая ладони, старик переложил костяшки в правый кулак. А потом вдруг с силой бросил их через левое плечо. Слышно было, как где-то в темноте они шлепнулись в траву.

– Сколько? – в упор спросил старик у Аркадия.

Тот прикрыл глаза, наморщил лоб... Все напряженно смотрели на него – и наконец он молвил:

– Семь. На одной костяшке три, на другой – четыре.

– Ваша версия? – взгляд Алексея Викентьевича остановился на девушке.

– «Три» – это верно. – Она искоса бросила взгляд на сидящего рядом Аркадия, словно призывая его в свидетели. – А вот «четыре» ли? По-моему, кость упала в траву на ребро, и похоже...

– Слишком много слов, – грозным голосом прервал старик. – Сумма?

Девушка зажмурилась и как в воду бросилась:

– Восемь.

– Хорошо, ответ принят. Ваше слово? – обратился хозяин

к Дмитрию.

– Семь, – без колебаний ответил самый молодой гость.

Старик смежил веки. На его впалых висках вздулись вены. Он хлопнул в ладоши и раскрыл глаза.

– А сейчас? Кости перевернулись? Какая сумма? – он устремил свой взор на Диму.

Тот отвечал без запинки:

– Кости как лежали, так и лежат. Сумма – семь, по-прежнему.

– Вы, Софья?

Девушка зажмурилась и потерла лоб.

– Одна костяшка перевернулась на «пять», – наконец изрекла она. – Итого восемь.

– Хорошо. Ваше слово, Аркадий?

– Пожалуй, – неуверенно молвил он, – Софья права. Сумма восемь.

– Ладно, – сказал Алексей Викентьевич. – Пролог будем считать законченным.

– А кто из нас угадал? – влезла девушка. – Мы проверим?

– Зачем? – искренне удивился старик. – Я и так это знаю. И вы, скорее всего, тоже... Хочу спросить: сейчас, до тех пор, пока мы не начали разговор, никто не хочет покинуть наше общество? Позже дороги назад не будет.

Гости переглянулись. Никто не произнес ни слова. Никто не встал.

– Хорошо, – подытожил хозяин. – Тогда я хотел бы услышать ваши истории, пусть первым будете вы, Дмитрий.

Юноша, казалось, растерялся.

– Что вы хотите услышать?

– Что-то ведь привело вас сюда, – дружелюбно пояснил старик. – Вот я и хотел бы узнать, что именно.

– Я до сих пор не понимаю, какая связь между моей историей и вами... – пробормотал Дмитрий.

– Связь есть, уверяю вас, – прервал его старец. – Она неочевидна, но, безусловно, существует...

– Давайте же, Дима, – подбодрила юношу девушка. И добавила с оттенком кокетства: – Неужели вы допустите, чтобы я, дама, исповедовалась перед вами, тремя мужчинами, самой первой! А вы будете отсиживаться в сторонке?

– Ну, если вы настаиваете... Хотя я, право, не знаю, с чего начать...

– Начните с того, – звучно и твердо проговорил старик, – когда вы поняли. Когда вы догадались, что вы не такой, как все.

– Однажды... – молодой человек помедлил, сосредоточился, а потом вдруг выпалил единым духом, – однажды я заметил, что у меня крадут сны...

Девушка изумленно вскинула брови, а хозяин костра молча покивал, словно поощряя юношу на дальнейший рассказ.

– Я всегда считал себя обычнейшим из смертных, – начал Дмитрий. – Родился в семье рабочего, был старшим среди

четырех братьев и сестер. С шестнадцати лет пошел на завод, работал учеником токаря. Правда, был у меня старший товарищ, из образованных. Он заметил во мне способности к наукам, в особенности к математике. И правда, еще в школе я щелкал самые сложные задачи, как орехи. Мой старший друг убедил моих родителей, а самое главное, меня, что мне необходимо получить хорошее образование. Он же добился того, чтобы завод направил меня в вуз – в Ленинградский госуниверситет, на механико-математический факультет. Так я стал студентом. Науки давались мне легко, без всякого напряжения. В свободное время я увлекался греблей и футболом – я считал и считаю, что для того, чтобы достичь успехов в науке, мозгам следует давать отдых, напрягая собственное тело...

Старик, хоть и смотрел не на юношу, а в сердцевину огня, слушал его с неослабевающим интересом. Девушка смотрела на парня ласковым взглядом. Внимание, которое она вдруг стала проявлять к молодому человеку, очевидно, не слишком понравилось ее спутнику Аркадию. Тот сидел с каменным лицом.

– А однажды... – продолжал Дмитрий. – Однажды я заметил... Это случилось пару лет назад... – он вдруг осекся. Потом, после паузы, прерывисто вздохнул и начал снова: – Знаете, я всегда видел очень необычные сны... Да, я согласен, сны необычны у всех людей. Я спрашивал у многих, что им снится. Мне рассказывали удивительные вещи.

Однако все равно я считал, что мои сновидения представля- ют собой нечто экстраординарное. Они повторялись. Прихо- дили ко мне чуть ли не каждую ночь. Сны были очень кра- сочные, цветные... В них преобладали яркие тона: красный, желтый, оранжевый, малиновый... Мне снились необычные люди, как бы нарисованные, плоские, карикатурные. У них были странные лица: одутловатые, вытянутые книзу, словно груши... Тела их в сравнении с лицами были непропорцио- нально маленькими, тщедушными. Знаете, такими, словно ребенок нарисовал: ручки, ножки, огуречик... Люди из мо- их снов были очень суетливыми, как муравьи. И будто му- равьи все время занимались каким-то делом: что-то пере- таскивали, несли, везли... А еще – пилили, прибивали, то- чили... Цель их деятельности заключалась в строительстве. Они возводили города – и города эти, хотя и состояли из тех же элементов, что и наши – ограды, заборы, стены, этажи, колокольни, – чем-то чрезвычайно походили на муравейни- ки. И всё в красных и оранжевых тонах, будто эти города всегда освещало закатное солнце... Сам я в своих снах не действовал, со мной не случилось каких-то приключений. Я не участвовал в возне людей-муравьев, а только наблюдал за нею со стороны. И, несмотря на то что сны повторялись, несмотря на их красные тона и унылое содержание, они не были кошмарами. После них я всегда просыпался бодрым, деятельным, хорошо отдохнувшим. Видел эти города-мура- вейники и людей-муравьев я довольно часто – порой даже

два или три раза в неделю, и потому хорошо представлял себе их как старых забавных знакомцев. Один раз я даже попытался зарисовать их – но, увы, природа не дала мне решительно никаких талантов к живописи. При попытке передать мои сны наяву получилась какая-то карикатура: грубая, плоская, схематичная. Единственное, что я смог адекватно изобразить на бумаге, – красный и оранжевый оттенки моих видений. Однако даже цвет в реальности производил совсем не тот эффект, что в моих снах. Рисунки вышли какими-то тревожащими, будоражащими, а ведь сны, как я уже говорил, меня скорее вдохновляли, мобилизовывали...

Костер бросал красный отсвет на лицо молодого человека, глаза его сверкали. Огонь и блеск удивительным образом соответствовали теме его рассказа. Девушка особенно внимательно слушала повествование Дмитрия. Она даже старалась не дышать – чуть приоткрыла рот, обнажив прелестные жемчужные зубки.

– Однажды, – продолжал юноша, – мои университетские товарищи затащили меня на выставку современного художника. Я шел с неохотой, так как в живописи и других изящных искусствах ровным счетом ничего не понимаю, но... Когда я оказался в залах музея, увиденное потрясло меня. Среди прочих картин, развешанных по стенам, я вдруг обнаружил *свои собственные сны!* То было не одно полотно и даже не два. Целая серия. Десятки изображений! Те же люди из моих снов с грушевидными, одутловатыми лицами. И их

мелкая, кропотливая работа. И города-муравейники, составленные из странно сопрягающихся друг с другом обычных заборов, стен и колоколен. И тот же *мой* свет, озарявший мои видения: оранжевый, красный, желтый... Однако эти красные тона на полотнах художника – как и в моих несовершенных потугах на живопись – производили не радостное, бодрое (как у меня во сне), а беспокойное, даже отталкивающее впечатление!

Молодой человек перевел дыхание. Все вокруг костра молчали, лишь слышно было, как потрескивают дрова в очаге да тревожно-хриплым голосом прокричала в глубине леса ночная птица.

– Первым моим чувством было, – продолжал Дмитрий, – словно меня ударили под дых. Кровь прилила к лицу, в глазах помутилось. Мои товарищи, с которыми я пришел на выставку, заметили, что со мной происходит что-то неладное, и стали спрашивать, что стряслось. Я не отвечал – и что я мог ответить? Естественно, я никому не рассказывал о своих снах. Да и как объяснишь, что случилось? Я чувствовал себя обкраденным. Будто кто-то грубо вломился в мой дом – нет, в мою голову, в мою личность! – и украл из моей души самое тайное, самое сокровенное! И в то же время у меня похитили то, чего нельзя пощупать, потрогать, оценить! То, чего словно и не существует в природе! То, что зачастую трудно даже описать словами!.. На такую кражу не заявишь в милицию. Не пожалуешься никому, чтобы вызвать сочувствие!..

Девушка глубоко вздохнула и облизала губы. Глаза ее блеснули. Она сопереживала каждому слову рассказчика. А тональность его повествования переменилась. Голос стал звучать менее взволнованно, глуше, суше.

– В тот день я отстал от своих товарищей и вернулся домой, сославшись на нездоровье. Я хотел все обдумать – логически, как и пристало будущему ученому-естественнику. Однако едва я остался один, мне стало казаться, что всё, что я видел – выставки, залы, картины, есть не что иное, как новый мой сон! Мое очередное видение! Никакого логического разбора у меня не получилось, я проворочался в постели всю ночь, порой впадая в забытие, причем снились мне мои люди-муравьи и города-муравейники – пойманные, заключенные в строгую оправу рам... Наутро, манкировав занятиями в университете, я снова бросился на выставку. Естественно, картины оказались на своих местах. Я пробродил в залах музея весь день, то подходя вплотную к *моим* полотнам, то отдаляясь от них. Я пытался анализировать, делать выводы. Как могло случиться, что сны одного человека вдруг появились на картинах другого? Может быть, мои видения оказались конгруэнтны его собственным снам? Может быть, ему снилось то же самое, что и мне? Может, художник каким-то образом является моим спиритическим двойником и нас обоих, и меня, и его, посещает один и тот же метафизический дух? Однако я всегда был материалистом и атеистом, и мне трудно было поверить в подобные поповские фокусы...

Может быть, вдруг подумал я, художник изобрел прибор, который способен улавливать человеческие сны? Или это устройство создал не сам живописец? Возможно, его сконструировали в какой-то тайной лаборатории, а художник сумел завладеть им, украл его, или, наоборот, ему вручили аппарат для проведения эксперимента? А я, случайно или намеренно, стал объектом для его опытов?.. Вопросы роились в голове... Я постепенно погружался в фантазии, достойные пера Уэлса... Так или иначе, в тот день я ясно понял, что мне надо обязательно увидеть автора картин. И спросить его напрямик. Я хотел посмотреть на его реакцию. Послушать, что он скажет. Как объяснит столь странное совпадение?..

Костер постепенно затухал, и старик встал со своего места, взял охапку дров и аккуратно обустроил их в пламени. Это не помешало рассказчику – он увлекся повествованием так же, как и его слушатели.

– Я был настолько одержим разгадкой происшедшего, что какое-то время не мог ни заниматься, ни спать, ни есть... Я стал искать художника. По счастью, найти его оказалось довольно легко. Он не скрывался под псевдонимом, а выставл картины под собственной фамилией. В горсправке мне без труда удалось выяснить его адрес. И вот в один прекрасный день я отправился к нему на квартиру. Художник жил на Фонтанке. Дверь мне отворила прислуга. Я представился поклонником творчества мастера, сказал, что мечтаю поговорить с ним и взять у него автограф. Меня перепоручили дру-

гой женщине – супруге (а может, натурщице или любовнице) художника. У меня хватило сил на светский разговор с ней, хотя я весь горел от нетерпения. На хозяйку мое знание творчества маэстро произвело впечатление, и наконец она ввела меня к нему в мастерскую и представила как верного поклонника его творчества. Вид художника меня разочаровал. Я ожидал увидеть едва ли не своего двойника, брата-близнеца (такие мысли тоже приходили мне в голову!). Однако мастер оказался совершенно не похож на меня. Во-первых, он был гораздо старше – лет сорока. Я, как видите, высокого роста и спортивного сложения – он был низковатым и полненьким. Носил бороду, как многие художники, и был лысоват, как старик. Я большой аккуратист и даже педант, все мои вещи лежат на положенных местах – а у него в мастерской царил настоящий беспорядок. Словом, между нами не оказалось ничего общего! Не нашлось ни единой внешней приметы, которая могла бы объяснить совпадение наших фантазий! Но, может, между нами имелось душевное родство, внутреннее сходство?..

Я завел разговор. Маэстро принял меня настороженно, однако я рассыпался в комплиментах его творчеству, и он оттаял. Его жена оставила нас наедине. И тогда я стал расспрашивать мастера о картинах, посвященных «муравьиным людям» (как я их называл). Я спросил, что послужило толчком для их изображения. Что стало источником вдохновения? Может быть, сон? Или фантазия? Или логические постро-

ения?.. Но когда речь зашла о «муравьиных картинах», художник явно насторожился. Об истоках своего вдохновения он отвечал очень пространно – однако из его округлой речи я мало что понял. Он то и дело сыпал мудреными словечками вроде «словоформы» и «мыслетворцы»... Нет, вы скажите, настаивал я, что стало отправной точкой для ваших картин? Как и благодаря чему вы увидели этих «муравьишек»?.. На мои прямые вопросы маэстро отвечал крайне уклончиво. Казалось, он хранит тайну, которую ни за что не откроет. В тот момент мне вдруг почудилось, что он и вправду ограбил меня, украл у меня самое сокровенное... И тогда я... Тогда я, наверно, совершил ошибку. Я потерял контроль над собой и напрямую выпалил живописцу, что тот подсматривает и крадет мои сны. В глазах художника мелькнула паника. Возможно, он решил, что я буйно помешанный. Он потянулся за колокольчиком, вызвать прислугу или жену, а я, поняв, что мне уже нечего терять, схватил его за грудки и принялся трясти, как грушу, приговаривая: «Признайся! Это ты украл мои сны!..» Ничего лучше я, конечно, придумать не мог, – губы молодого человека тронула самоироничная улыбка. – Меня вывели из дома. Спасибо еще, милицию не вызвали... Да, конечно, я поступил ужасно глупо... Теперь я понимаю, что мне следовало подружиться (как ни противно было) с этим лысым бородачом, пригласить его в ресторан, в гости, выпить вместе... И когда-нибудь, глядишь, он под воздействием винных паров сам выдал бы свою тайну... Но увы...

Я повел себя неразумно и поэтому отрезал себе подходы к художнику... Вскоре его выставка закрылась. Раньше положенного срока. Говорили, что ее свернули прежде времени потому, что она не понравилась кому-то в Смольном...

Молодой человек перевел дух. Его слушатели чувствовали, что история еще не досказана. Они ждали продолжения. Дмитрий вздохнул и потер лицо рукой.

– Прошло несколько месяцев... – проговорил он. – Не скажу, что я напрочь забыл про украденные сны. Однако для меня кража уже потеряла свою остроту, и я мог более-менее спокойно, без гнева и пристрастия, размышлять о случившемся. Но я так и не нашел вразумительного ответа на вопрос, что происходит. Мои красно-муравьиные сны продолжали мне сниться, и я просыпался после них с тем же бодрым и радостным чувством... А потом... Я однажды увидел афишу, извещавшую о том, что открывается новая выставка того самого художника. Нечего и говорить, что я пришел туда в первый же день экспозиции – рано утром, одним из первых. Выставка занимала несколько скромных залов. На ней почему-то не оказалось ни единого полотна из красного «муравьиного» цикла. Но зато... Я увидел нечто, опять-таки имеющее отношение ко мне, но гораздо более шокирующее...

Из уст девушки – кажется, она сопереживала рассказу Дмитрия более других – вырвалось:

– Что же еще-то?

Старик приложил узловатый палец к губам: мол, тише. А молодой человек продолжал:

– То были... Не знаю, как объяснить... – Юноша слегка покраснел и стал запинаться. – Наверное, у каждого... У каждого человека... У всех есть какие-то тайные, подспудные, даже порочные видения... Фантазии... Так же и у меня... – Лицо Дмитрия заалело еще больше, и то был не ответ костра, а краска стыда. – У всякого есть нечто такое, что таится в глубинах его души... И о чем не рассказываешь никому... И даже себе не всегда признаешься...

– Конечно, бывает! – вдруг с энтузиазмом воскликнула Софья. – И ничего тут постыдного нет. Мы на то и люди, чтобы фантазировать. Мало ли чего мы навывдумаем, мы же не обязаны ни перед кем отчитываться!..

Молодой человек бросил на девушку смущенный, но исполненный благодарности взгляд.

– Не тушуйтесь, Дима! Рассказывайте! – подбодрила красавица.

– Короче говоря, – пробормотал юноша, – вот эти мои видения... порочные фантазии... Они были выставлены этим художником напоказ. Перед всеми. Понимаете? Уже не сны, а мысли!.. То, что являлось мне наяву... Те картинки, которые рисовал мне – нет, не дьявол, дьявола не существует – мой собственный испорченный мозг...

– Надо понять, о чем идет речь, – нахмурился старик. Он впервые за все время, покуда повествовал молодой человек,

нарушил молчание. – Может, после того аффекта, в который вас вверг художник, вы к нему стали несправедливы? Нельзя ли подробнее: *в чем* состояли ваши фантазии и *что* вы увидели на холстах?

Дмитрий совсем покраснелся и потупил глаза. Дыхание его стало прерывистым.

– Я не уверен, что смогу...

– Смелее, Дима! – ничуть не чинясь, воскликнула девушка. – Подумаешь, фантазии! Кто за них вас осудит! Мне тут недавно было видение, что я имела связь с Бенито Муссолини. С самым дуче, вы представляете? И вы знаете, – она округлила глаза, – мне понравилось!

От ее откровенности смутились все: и Аркадий, и даже старик. Кто знает, говорила она правду или выдумывала, скорее второе, – однако ее рассказ разрядил обстановку. Во всяком случае, молодой человек улыбнулся. Он продолжил, тушуясь гораздо меньше:

– Ну, например, была в моей жизни девушка... Мы познакомились с ней в студенческой столовой... Я пытался за ней ухаживать, но она отвергла мои притязания... И вот – не знаю, наверное, в отместку ей – мне однажды пришла в голову картина... Она словно вспыхнула в моем мозгу... – Дмитрий стал красен как рак. – Я увидел эту девушку, обнаженную, в объятиях двух голых негров... И они были очень грубы с ней...

Софья повела плечом, словно говоря: «Подумаешь, тоже

мне постыдная фантазия!»

Будто перескочив самое сложное, молодой человек заговорил быстро-быстро:

– И вот на новой выставке «моего» художника я увидел точь-в-точь ту самую картину. И девушка чрезвычайно походила на ту, что меня отвергла, и негры, обнимавшие ее, оказались словно из моих фантазий... И на выставке было еще несколько картин – будто срисованных у меня из мозга, причем из самых дальних, потаенных его уголков!..

Юноша прерывисто перевел дыхание.

– После этой выставки я не стал искать художника, добиваться встречи с ним, выяснять отношения... Я вышел из зала и побрел по городу куда глаза глядят... Была зима, с Невы и с залива задувал ледяной ветер... Я понимал, что вмешательство художника в мою личную жизнь становится серьезным... Плацдармы, которые он захватывает в моей голове, расширяются... Я не знал, чем его вторжение кончится, но динамика процесса мне совершенно не нравилась. Я уже не хотел разбираться в том, что происходит. Задача отыскать истину померкла в свете другой, а именно: оказать сопротивление чужой воле. Поставить заслон на пути проникновения чужого разума в мой мозг... В конце моих брожений по городу, на ледяном невском ветру – я даже не замечал холода, – меня вдруг осенило: если художник каким-то загадочным образом умеет проникать в *меня* – в мои сны, в тайники сознания, – то наверняка между нами существует *об-*

ратная связь. В природе не бывает взаимодействий *без* обратной связи! Это закон физики, и я очень хорошо его знал. Другое дело, что обратная связь может быть слабо выражена, но *существует она всегда*. В данном случае это означало: раз художник имеет возможность проникать в мой мозг (прямая связь) – значит, и я тоже могу воздействовать на него!.. Эта идея мне понравилась. Сработает она или нет, я не знал, но выглядела она красиво (а я, как математик, умею ценить красоту гипотез). Она меня очень вдохновила. Я бросился домой. Мне хотелось поскорей воплотить ее в жизнь.

Софья украдкой посмотрела на молодого человека. Взор ее выражал восхищение. Давненько ей не встречались *люди действия*. Те, кто не размышляет попусту о том, что хорошо и что плохо, а способен выйти на бой и оказать сопротивление врагам или судьбе. Одним таким человеком в ее жизни стал Аркадий. И вот второй подарок – Дима. Но он моложе Аркадия, красивее и, кажется, умнее... А Аркаше явно не нравится то, с каким вниманием она слушает студента. Да и сама ситуация будоражила Софью: ночь, костер, рядом трое мужчин, и кое-кто из них в нее почти влюблен.

А Дмитрий продолжал – его, кажется, тоже вдохновляло всепоглощающее внимание Софьи:

– Моя семья жила, слава богу, в отдельной квартире, в доме с паровым отоплением. Объяснив тем, что я закоченел на улице (что было правдой), я решил принять горячую ванну. Скрывшись от домашней суеты и криков моих братьев, я по-

грузился в теплую воду и стал вызывать в воображении образ художника. Это мне хорошо удалось: полненький, лысый, сутевый неряха-бородач... И тогда я стал призывать на него все казни египетские... Я воображал, как его режут ножом, четвертуют, отрубая ему голову... Я неотступно думал о нем весь вечер и хотя, как ни странно, не испытывал к нему никакой ненависти, с удовольствием навлекая на его голову все возможные кары... А ночью художник мне приснился – своими напряженными мыслями о нем я как будто вызвал его. Сон был очень реалистичный. Я увидел, что художник в одной нательной рубахе, босиком стоит у кирпичной стены. Напротив него – взвод солдат. Ружья они держат на изготовку. Звучит команда: «Пли!», – и раздаются выстрелы. Рубаха на груди художника окрашивается красным. Он падает на землю. Его тело дергается, он умирает – и в этот миг превращается в плоского человечка с одутловатым лицом из моих «муравьиных» снов. И тут я пробудился, весь в поту. Наяву мне стало одновременно и жаль художника, и почему-то радостно от того, что произошло. Однако то был просто сон. Ведь даже если пресловутая *обратная связь* между мною и им существует, вряд ли мои кошмары могли бы нанести ему реальный вред...

Дмитрий сделал паузу. Ночь расстилалась над горами. Четверо человек, как и тысячелетия назад, жались к костру. Как и древние люди, огнем они отгоняли диких зверей, а историями – сон и страх. И казалось, что на дворе не про-

свещенный двадцатый век, а доисторические времена, когда охотники в шкурах вот так же коротали время до рассвета, охраняя сон племени и сберегая драгоценный огонь...

– Назавтра, – продолжал студент, – я снова пошел на выставку моего недруга. Клянусь, у меня не было никакой задней мысли. Просто хотелось еще раз посмотреть его работы, имевшие отношение ко мне. Однако я наткнулся на закрытые двери. Рукописное объявление извещало, что выставка закрывается – без объяснения причин. Через окно я увидел, как служители снимают со стен картины и составляют их в угол. Я постучал и попытался выяснить, отчего экспозиция закрыта, – однако никто не смог или не захотел мне ответить. Может, возникла у меня шальная мысль, повлияли мои видения, которыми я вчера распался себя? Я отбросил эту идею. Маэстро, хоть и выкрадывал непонятным способом свои картины из тайников моего подсознания, в сущности, не нанес мне никакого вреда или ущерба. А вот закрытие выставки на второй же день могло означать, что художник впал в немилость и его ожидают неприятности. У меня даже был порыв броситься к нему на квартиру, объясниться... Но я остановил себя. Что я мог сказать ему? Выразить свое сочувствие? Повиниться? Или заверить, что я не имею отношения к его неприятностям?.. Глупо! Конечно, я не стал этого делать... А дальше... Моя жизнь потекла своим чередом, но мысленно я постоянно возвращался к художнику, его картинам, моим снам, закрытой выставке... И тем

видениям, что я насылал в ту морозную ночь на голову живописца... Разумеется, я больше ни разу не повторил в своем воображении тех казней, что творил над ним...

– Ну и напрасно, – вдруг звучно произнес Аркадий. – Твоя позиция характерна для интеллигенции. Вы своей мягкотелостью всегда только портите смелые начинания – порой свои же собственные.

Софья живо повернулась к Аркадию:

– А ты? Как бы ты поступил на его месте?

– А я, – рубанул Аркадий, – считаю, что сказавши «а», надобно говорить и «бэ». И если ты встал на дорогу возмездия – следует пройти свой путь до конца.

– Но я и без того, оказывается, отомстил художнику, – грустно произнес Дмитрий. – И отомстил совсем несообразно вине.

Старик устремил на молодого человека пронизательный взгляд.

– Почему вы так решили?

– Мне тяжело говорить об этом... Но... Сказать надо... – пробормотал он. – Словом, через два дня я ехал в трамвае. И случайно услышал один разговор... Его вели двое мужчин явно божьего вида. Такие, знаете, в беретках, очках, с бородками... И вот один из них сказал другому: «А знаешь ли ты, что имярек, – тут он назвал фамилию „моего“ художника, – совсем плох?» «Что ты говоришь! – чуть ли не с радостью воскликнул второй. – А что с ним?» – «Выставка у

него всего один день провисела, а когда вечером позвонили из Смольного и велели ее закрыть – его той ночью кондрашка-то ихватила. Обширный инфаркт. Вряд ли выкарабкается...»

Софья ахнула. Голос молодого человека дрогнул.

– А через три дня, – он понурил голову, – я прочитал в «Вечернем Ленинграде» некролог, посвященный художнику. Он скончался в возрасте сорока четырех лет...

– И вы собираетесь взять на себя эту вину?! – вдруг прогремел голос старика.

Студент поднял на него глаза, полные слез.

– А что прикажете мне думать?

– Ваша вина совершенно неочевидна, – безапелляционно заявил Алексей Викентьевич. – А даже если она и существует, подумайте сами: насколько слабее, тише и ничтожней ваши *мысли* по сравнению с *действиями* огромной, грубой, не рассуждающей государственной машины?!

Молодой человек сидел, по-прежнему понутив голову.

– Да ведь это бред! – продолжал старик. – Бред – думать, что расстрелом, который вам приснился, вы в самом деле могли повредить живому человеку на другом конце города!

Голос Алексея Викентьевича звучал настолько убедительно, что Дмитрий отчасти приободрился.

– Выкиньте эту историю из головы! – приказным тоном проговорил старик. – Возможно, вы на многое способны, но силой мысли убивать на расстоянии... Не обольщайтесь,

юноша, не обольщайтесь! Вы пока далеко не так хороши. – И подчеркнул: – Пока не так.

Софья, в свою очередь, сочувственно похлопала Дмитрия по руке.

– Это вам, – старик вдруг вытащил из-под бурки и протянул студенту кусочек сахарной головы. – Вы сейчас совершили прилюдную экскурсию в свое внутреннее «я». Это путешествие не из легких. Оно должно быть вознаграждено хотя бы символически. Напряжение, возникшее в вашем мозгу в результате рассказа, необходимо заесть чем-то вкусным...

– Вы мне прямо как собачке Павлова... – усмехнулся студент. Слова старика о том, что он ни в чем не виноват, подействовали на него – он уже и сидел ровно, и смотрел прямо.

Алексей Викентьевич рассмеялся – впрочем, довольно искусственно – и вдруг нацелил взгляд своих магических обжигающих глаз на девушку:

– Ну а вы, дорогая Софья? Что поведаете нам вы?

– Здесь есть еще один мужчина, – кокетливо молвила она. – Я с радостью уступлю ему свой черед.

Старик усмехнулся.

– Вы же, дамы, так стремились к равноправию, разве нет? Клара Цеткин, Инесса Арманд, Роза Люксембург!.. – Взгляд хозяина определенно был вызывающим, очень мужским. – А теперь, когда равные права с мужчинами достигнуты, вы при любой возможности утверждаете, что вы – слабый пол.

– Ничего я не утверждаю, – нахмурилась девушка.

– Вы сейчас – разумеется, нет, – с мягкой улыбкой открылся старик. – Я рассуждаю о тенденции.

– Если хотите, чтобы следующим докладчиком была я, что ж, пожалуйста!..

– Да, я вас прошу. Мы все вас очень просим.

– Что ж, я готова. С чего начать? – проговорила Софья хорошо поставленным голосом и будто в задумчивости потерла лоб. Жест отдавал театральностью. На самом деле девушка еще во время дороги заучила свой рассказ – как актриса выучивает роль.

– Начнем с того, что вся моя семья увлекалась спиритизмом: и мой брат Николенька, и наши родители... Мы часто устраивали сеансы... Приходили друзья родителей... А я еще со школьной скамьи была медиумом. Разумеется, к спиритизму никто из нас не относился всерьез. То была просто шутка, игра – но едва ли не каждую неделю к нам являлись гости, и мы занимались столоверчением. И у меня получалось едва ли не лучше всех. Во всяком случае, все говорили, что когда я участвую в сеансах, разговор с духом всегда удается. Если я за столом, духи никогда не отмалчиваются, не бубнят, отвечают интересно. Не знаю, как это у меня получалось, но порой загробный мир даже выдавал настоящие тайны тех, кто участвовал в сеансе! Доходило до скандалов. Во всяком случае, однажды, когда мой брат Николенька привел на сеанс девицу, на которой вроде бы собирался жениться, дух Пушкина (а мы его вызывали чаще других) вдруг спро-

сил у барышни, как здоровье ее сыночка. Девушка расплакалась, разругалась, убежала... А потом – что вы думаете? – действительно выяснилось, что у нее есть отпрыск двух лет от роду, которого она от своих кавалеров, в том числе и от моего брата, тщательно скрывала. Николенька с этой особой расстался – он не выносил вранья в любом виде... И я была рада, потому что братика своего я очень любила, прямо-таки трепетала перед ним... Он был на пять лет меня старше. Красивый, умный, блестящий... Все говорили, что он прекрасный ученый и перед ним открывается большое будущее... Во всяком случае, когда я только заканчивала школу, он уже получил диплом инженера-химика и занимался настоящей научной работой. Я в ней, конечно же, ничего не понимала, хотя не раз просила его объяснить, и он честно старался... Рассказывал мне о химическом элементе уран, о радиации, которую он испускает, о каком-то периоде полураспада... А еще Николенька, несмотря на молодость, читал лекции в университете, и студенты, особенно студентки, его обожали... А на каникулах летом он обычно жил на нашей даче в Валентиновке – работал там над диссертацией... Родители дачу не любили, были коренными горожанами, – а я к нему туда частенько приезжала... Счастливое было время...

Рассказывая, Софья время от времени посматривала на мужчин: насколько внимательно ее слушают. Убедившись в очередной раз, что им интересно, продолжала рассказ.

– А потом Николенька все-таки женился. – Софья груст-

но улыбнулась. – Даже сам Пушкин одобрил их брак... Университет выделил молодым комнату. Однако летом мой брат все равно продолжал жить на нашей даче – иногда вместе с молодой женой, а иногда в одиночестве... С его супругой я примирилась, даже сумела поладить... Я заканчивала школу, готовилась к поступлению в театральный вуз... Однако жизнь наша в одночасье изменилась... В один «прекрасный» день мы вдруг узнали: Николенька арестован. За что, почему – никто не ведал. Наши родители – а ведь мой папа академик – пытались если не освободить его, то хотя бы узнать, в чем его обвиняют, и смягчить возможный приговор. Все было бесполезно. Свиданий нам не давали, переписка была запрещена. Единственное – разрешали передачи. А потом однажды и передачу не приняли. А через пару недель нам сообщили: Николеньку приговорили к пяти годам лагерей, без права переписки... В доме воцарилась грусть. Отец сдал, мама часто плакала. Разумеется, прекратились прежние развлечения. Никаких гостей, никаких спиритических сеансов... И вот однажды, в мае нынешнего года, родители попросили меня проведать дачу, посмотреть, как наш старый дом перенес зиму. С тех пор как брата арестовали, никто из нас там ни разу не появлялся. Тот майский день я запомнила надолго...

Софья вдруг оборвала рассказ, залезла в свой рюкзачок, порылась в нем и достала сложенный вчетверо пожелтевший лист бумаги – однако не стала его разворачивать, а просто

сжала в кулаке.

– Я приехала в Валентиновку на электричке. Стояла прекрасная погода. Цвела вишня. Одурающе пахла черемуха. На нашем участке в окружении ярко-желтых одуванчиков атели тюльпаны. Дом стоял хмурый и нежилой, пахло сыростью. Я хотела протопить печь, помыть полы... Но тут мое внимание привлекла странная перемена в интерьере: на первом этаже, на веранде, на круглом обеденном столе зачем-то возвышалась пишущая машинка. На том месте она в жизни никогда не стояла! Машинка принадлежала брату, он перепечатывал на ней свои научные статьи и составлял конспекты лекций и держал ее всегда на втором этаже, в своем кабинете. Кто и почему переставил ее вниз, на террасу, на самое видное место? Ведь в доме никого не было с самого ареста брата! Я подошла к ундервуду и увидела, что в него вставлен лист бумаги, *вот этот самый*, – девушка тряхнула кулаком с зажатым в нем листком. – Вверху чернела одна напечатанная строчка. Я прочитала ее – и обмерла. Потому что там было написано, – Софья развернула бумагу и зачитала: – «Сегодня ночью я хочу с тобой поговорить». И подпись – Киля. – Во взоре девушки блеснули слезы. – Килей звали в семье моего брата. Прозвище повелось с тех пор, как я была маленькая и не выговаривала Николай или Коля, поэтому звала его Килей. Сначала я подумала, что листок в машинке – чья-то злая шутка. Но кому понадобилось так шутить? Никто, кроме нашей семьи, не знал о Колином прозвище. А

ведь шутнику еще следовало раздобыть ключи от дачи, тайно приехать туда, найти машинку... Словом, я почти сразу поверила, что мне написал он, Коля... Но как?! И я машинально подвинула каретку и отстучала одним пальцем: «Я тоже очень хочу поговорить с тобой, Николенька!» И замерла. Почему-то мне казалось, что ответ последует немедленно – но минута проходила за минутой, и ничего не происходило. Через полчаса напряженного ожидания – сердце мое колотилось – я подумала, что машинописная строка – все-таки чей-то глупый розыгрыш. А может, я сошла с ума. И тогда я постаралась выкинуть из головы мысль об общении с братом, которым я так вдохновилась, и занялась наконец тем, ради чего приехала: натаскала дров и стала разжигать печь. И в этот момент вдруг услышала доносящийся с террасы стук пишущей машинки!

Старик слушал девушку, прикрыв глаза. Он явственно представлял себе картину: старый дом – и Софья, вот она роняет у печки дрова и со всех ног бросается на веранду. На ее лице – смесь изумления, ужаса и надежды...

– Когда я вбежала на террасу, – сказала Софья, – машинка как раз кончила печатать. Сама собой! Я подскочила к ней. На листке значилось: «Сегодня в полночь. Электричество не включай. Будь не на веранде, но поблизости. Киля». Не помня себя, я отстучала: «Почему ты говоришь со мной?! Ведь ты не умер, ты просто сослан!» Ответа не последовало. Я поняла, что еще слишком рано. Наверно, надо дожидаться полу-

ночи, как велел Николенька. Что ж! Я считала часы. Домашняя работа помогла скоротать время. Я наводила порядок на даче, словно перед приходом дорогого гостя – да так оно в каком-то смысле и было, ведь в моей жизни не существовало человека дороже брата. Я вымыла полы, вытерла всюду пыль и даже испекла в печи пирог с яблоками, оставшимися в подвале с зимы. Я предвкушала нашу встречу – и боялась ее. Это будет свидание – пусть метафизическое, – однако то самое свидание с братом, которого мы безуспешно добивались после его ареста...

Девушка нервно развернула свой листок, разгладила его на коленке рукой.

– Наконец старинные часы пробили полночь. Я в точности исполнила указание брата, погасила всюду свет и притаилась в кухне – смежной с верандой. И вскоре с террасы, абсолютно пустой и темной, раздался быстрый стук пишущей машинки. Он далеко разносился в тишине дома. Наконец она смолкла. Я выждала пару минут, схватила керосиновую лампу и бросилась на веранду. На листе, вложенном в машинку, добавилось еще несколько строк. Я подошла и в свете керосинки прочла...

Девушка склонилась над своим листком.

– «Мне жаль огорчать тебя, Крошка Со, но я умер», – зачитала она. Спазм перехватил ей горло, и она быстро пояснила: – Николенька, когда я была маленькой, называл меня не Соней, я это имя никогда не любила, а Крошкой Со – за

то, что я была похожа на китайчонка... После того как я увидела свое прозвище, я уже нисколько не сомневалась: я действительно разговаривала с братом. Или – с его душой.

Девушка достала белоснежный платочек, вытерла слезы, а потом высморкалась. Слегка успокоившись, она продолжила. Голос ее звучал надтреснуто.

– Дальше он написал мне вот что: «Не бойся, умирать оказалось не больно. И здесь мне хорошо, покойно, радостно, можно тратить много времени на размышления, жаль только, что продолжать работу нельзя – но она, как мне здесь объяснили, все равно была ненужная и вредная». Я тут же отстучала ответ – точнее, новые вопросы: «Ты пишешь „здесь“. А где ты? В раю?» Потом я выбежала из комнаты, чтобы не мешать ему отвечать, но не успела даже закрыть дверь, как с веранды снова послышался перестук клавиш. Николенька написал: «Я не знаю, как назвать то место, где я нахожусь, но, повторяю, мне хорошо. Не бойся смерти и внуши потихоньку нашим: пусть они ее тоже не боятся». Не знаю, что на меня нашло, но в ответ я написала: «Значит, ты ангел? Значит, ты можешь видеть будущее? Скажи: что будет дальше со мной? Что будет со всеми нами?»

Девушка читала свою переписку по пожелтевшей бумажке. Листок, казалось, придавал ей силы и помогал справиться с волнением.

– Он ответил мне: «Нет, я совсем не ангел. И я понятия не имею, что будет дальше с тобою, как и со всей нашей семьей»

или со всем миром. Будущее сейчас скрыто от меня точно так же, как и тогда, когда я был человеком. Общаться с вами, людьми, никто из наших не может. Мне очень повезло, что у меня есть ты, потому что ты очень сильный медиум. Зато для меня нет тайн в том, что происходит на Земле сейчас и что происходило раньше. Я даже знаю, например, что это ты, а не Лизка съела тогда абрикосовое варенье. Хочешь узнать, что было? Спрашивай». Я спросила о том, что волновало меня больше всего: «Почему и за что тебя арестовали?» Через минуту он ответил: «На меня написал донос Юська – будто бы я с другими аспирантами собираю в лаборатории бомбу, чтобы взорвать ее на первомайской демонстрации». Я была поражена: Юськой звали товарища Николая, студента, самого робкого, несчастного, который был принят – скорее из жалости – в нашей семье и который больше других искренне восхищался талантами моего брата. Я задала Николеньке еще один вопрос, довольно глупый, и он написал в ответ: «Извини, но мне пора. Я не думаю, что наши встречи могут случаться часто. Мне это непросто. Но ты знай, на всякий случай, что я счастлив. И маме с папой можешь это передать – только не говори никому, что входила со мной в контакт. Люди тебя не поймут, будут смеяться или упекут в сумасшедший дом. Будь счастлива, Крошка Со, у тебя все должно быть хорошо».

Когда Софья зачитывала последние строки, голос ее опять сорвался. Она снова высморкалась в платочек, извинилась

перед мужчинами, а потом завершила свой рассказ спокойным, будто бы механическим тоном:

– Больше Николенька со мной не связывался. Маме, папе и невестке я сказала, что видела брата во сне и он просил передать им, что у него все хорошо. Я не стала говорить им, что он умер. Они почему-то очень поверили в мой сон. А Юська... Тот самый, что предал моего брата... Я не буду возводить на себя напраслину и хлопать себя ушами по щекам (как написали Ильф и Петров) в духе предыдущего оратора, скажу лишь одно... Этим летом тело Юськи нашли в Марьиной Роще – без денег, без пиджака и сапог... Он был убит ударом ножа в сердце... Будем считать, что я здесь ни при чем. И я не знаю, кто это сделал. Я ни о чем не жалею, но предатель получил по заслугам. А милиция до сих пор не нашла виновных, – победительно закончила Софья, потом заботливо сложила пожелтевший лист бумаги с ровными машинописными строчками и бережно спрятала его в рюкзак.

– Ты сильная, – посмотрев на Софью, с искренним восхищением проговорил Дмитрий. Аркадий, услышав это, усмехнулся.

– Я благодарю вас, Софья, за ваш исчерпывающий рассказ, – отчетливо промолвил старик. – Теперь ваш черед, – кивнул он в сторону Аркадия.

– Может быть, все-таки откровенность за откровенность? – спросил тот, в свою очередь, Алексея Викентьевича. – Может, хотя бы для разнообразия *вы* что-нибудь рас-

скажете *нам*? Например, кто *вы*? И кто – *мы*? И почему мы здесь? И зачем нам исповедоваться перед вами? И что будет с нами дальше?

Старик кивнул.

– Я понимаю ваше любопытство. Оно вполне законно. И я обещаю, что отвечу на все вопросы. Но давайте не будем отклоняться от принятой процедуры...

– Что за процедура? – не отставал Аркадий. – Принятая – кем?

Старик полузакрыв глаза.

– Вы алкали моего общества. Поэтому вы, трое, здесь. Вас привела сюда некая сила, живущая внутри вас, которая сильней вашего сознания, не правда ли? Но я... Я не искал вас. И я должен решить: нужны ли вы мне. Поэтому я хочу знать о вас хотя бы то, что вы сами готовы рассказать.

Старик говорил настолько веско, и голос его звучал столь убедительно, что все трое, и даже Аркадий, покорились ему. Его властность имела над ними почти магическую силу.

– Итак, ваше слово, – кивнул старик в сторону старшего из мужчин.

– Я не краснобай, – Аркадий откашлялся. – Я красиво говорить не умею. Вы говорите: нас привела сюда неведомая сила. А ведь и правда. Я не знаю, зачем поехал сюда. Может, это ты, Сонечка, меня загипнотизировала?

– Я уже говорила, – нахмурилась девушка, – никакая я не Сонечка. Меня зовут Со-фи-я.

– Ладно, не бухти, – беззлобно оборвал ее Аркадий и обратился к присутствующим. – Да, я пришел сюда инстинктивно, как рыба на нерест. Не зная, куда и зачем иду. Но вам, Алексей Викентьевич, я почему-то верю. И верю, что зла вы нам не причините. И никогда не используете то, о чем мы тут рассказываем, против нас. Значит, все мы медиумы, спириты, так? Или как нас еще назвать – колдуны? И мы вроде тут своими талантами друг перед другом хвастаем. Что ж, у меня тоже кое-что есть в заглавнике... Мои чудеса начались семь лет назад. Примерно в тутошних местах, только километров на двести северо-восточней. В горах, словом. Тогда там еще было беспокойно. Черкесы пошаливали. А меня сразу после техникума распределили туда на строительство дороги. С нами был, для охраны, эскадрон красноармейцев. Однако все равно было, прямо скажу, страшновато. Эти горцы настоящие разбойники, умеют лишь убивать да грабить... И вот однажды послали меня за деньгами в город – за зарплатой на всю нашу колонну. Не одного, конечно. Со мной было шестеро конных красноармейцев и их молоденький комэск.¹ И еще увязался с нами мой друг, тоже мастер, Мишкой его звали. Подруга у него в городе была. Любовь. Он хотел, пока мы в управлении будем бумажной волокитой заниматься, с ней встретиться, а вечером, значит, вместе с нами назад вернуться. А мы с этим Мишкой крепко тогда задружились. Он молодой, я молодой. В одной палатке жили. Разговари-

¹ Командир эскадрона.

вали, стихи друг другу читали, Есенина, Маяковского, даже Ахматову. Иной раз ночь напролет, сидя за чаем, дискутировали. О политике, о вождях. О том, о чем сейчас и помыслить нельзя. В шахматы с ним баталии устраивали. В нарды он меня научил... Вот... Итак, поехали мы в город. Мы с Мишкой вдвоем на телеге. У каждого наган. И красноармейцы вместе с комэском – вокруг нас в седле. У меня портфель кожаный, со всеми документами, ведомостями... Прибыли в город. Я – в управление за деньгами. Мишка со своей симпатией пошел встречаться. Ну, финансы я получил, сложил в портфель. Денег – тысячи. Зарплата на двести человек, шутка ли!. А Мишка пришел довольный такой, размягченный... Полегли мы с ним в сено, на телегу. Красноармейцы – в седло. Поехали обратно. Я портфель с деньгами сжимаю... Солнышко садится. Небо высокое. Лошади копытами шлепают. Хорошо! А Мишка тут и говорит: эх, Аркаша, женюсь я, наверно, и на свадьбу тебя скоро приглашу... И только он это сказал, тут как раз и налетели... Дорога в тот момент по ущелью шла. С обеих сторон скалы. Черкесы нам там засаду и устроили. Вмиг – грохот, пули, лошади на дыбы!.. Комэск наш хоть и необстрелянный, а не растерялся, бойцов своих с лошадьми в круг построил, телега наша – в центре, мы с Мишкой – под ней. Заняли круговую оборону. Отстреливаемся... Какая-то, думаю, сволочь из управления нас выдала. Знают черкесы, что мы с деньгами, потому нас и поджидали. Да только, врешь, денег я им не отдам!.. Пальба началась –

не дай бог! Черкесы стреляют – мы отвечаем. Да только они за скалы прячутся, а мы – за лошадей и за телегу. Ненадежно! Один наш боец падает – убит. Второй упал... И лошади, в которых пули попадают, ржут, плачут и одна за другой оседают на землю. Мы отстреливаемся. Патронов мало. Но только черкесы в атаку пока не идут. Себя жалеют. Думают сначала неверных, нас то есть, перестрелять, а потом портфель мой с деньгами голыми руками взять. Комэск наш упал – убит наповал выстрелом в голову. Убиты еще два бойца... Мы падем из наганов, но патроны совсем на исходе. Вот-вот поймут черкесы, что отбиваться нам нечем, пойдут в атаку, и нам крышка... Но на наше счастье неожиданно подошла подмога. В ущелье ворвался конный отряд с ближайшей погранзаставы. Они слышали выстрелы, поняли неладное и поспешили на помощь. Воодушевленные, мы с Мишкой высунулись из своего укрытия и открыли беглый огонь по бандитам. И вдруг – пуля попадает ему прямо в голову. Он обливается кровью, падает. А бандиты, заметив, что к нам подошло подкрепление, снимаются со своих позиций и уходят. Растворяются в горах... Бой окончен... А я бросаюсь к Мишке. Он без сознания, но еще дышит, однако по лицу видно: не жилец. Подъезжают к нам пограничники. Я умоляю их: помогите Мишке – но среди них нет даже фельдшера. Я кричу: «Дайте мне двух бойцов, я повезу его в больницу». А они мне: бессмысленно, жить ему осталось час-два, не больше, ты только измучишь его перед смертью. И тогда

я сам кладу Мишку в телегу на сено, передаю свой портфель с деньгами командиру пограничников и везу друга назад, в город. Он без сознания. Мы только вдвоем. Солнце село за горы. Вечереет. Я погоняю лошадей и разговариваю со своим другом. Я прошу его не покидать меня. Я уговариваю его не умирать. Мне так жалко его, что хоть плачь, – но я не плачу, держу его за руку, прошу не уходить и рассказываю ему, какая замечательная жизнь ждет его впереди. Как он станет выздоравливать, и в палату к нему будет ходить его зазноба. Как они поженятся. Как он поступит в институт, выучится, станет видным ученым, они с супругой нарожают детей и будут жить в большой квартире с хорошей библиотекой, и я стану приходить к нему по вечерам играть в шахматы... Я тогда не молился, потому что не верю в бога, но все время говорил с ним, и мое желание, чтобы он выжил, было настолько сильным, что я даже физически чувствовал, как оно переливается от меня в его неподвижное тело. Смерть, казалось, так и рыскала вокруг нас, бежала в образе оскаленного шакала рядом с нашей телегой – но я отгонял и отгонял её!..

У костра было тихо. Все трое слушали трагическую историю Аркадия, затаив дыхание.

– А когда мы наконец приехали в город в больницу, я вдруг увидел: моему другу стало лучше. Его лицо, в горах смертельно бледное, теперь порозовело. Дыхание стало ровным. Казалось, он просто спит. И даже его страшная рана во лбу как будто стала меньше, словно слегка затянулась.

В больнице я разбудил врачей, медсестер. Они перенесли Мишку в операционную. Я остался на крылечке, курил и по-прежнему продолжал молить Провидение, чтобы оно помиловало моего друга. А когда уже стало светать, на крыльцо вышел хирург в заляпанном кровью халате, попросил у меня папиросу. Видно было, что он смертельно устал – однако желание знать истину все перевешивало. «Вы врач?» – спросил он меня. – «Нет». – «Вашего друга осматривал врач или хотя бы фельдшер?» – «Нет». – «Кто доставал пулю?» – «Да никто не мог ее достать!» – «Тогда я ничего не понимаю, – помотал головой хирург. – Рана выглядела смертельной. Уж я-то знаю, повидал. Судя по входному отверстию, он должен был умереть еще несколько часов назад. Но дело в том, что пули в ране нет. И она не застряла в кости черепа – рентген не показал. И не прошла навывлет, выходное отверстие отсутствует – да в таком случае она прошла бы сквозь головной мозг и ваш друг умер бы мгновенно. Рана неглубокая, в лобовой кости трещина – но и только! Да, я наложил ему швы, у него контузия – но прогноз для вашего друга благоприятный. Впервые в жизни сталкиваюсь с подобным случаем!»

В то утро мы выпили с медиком ректификата, и я заснул на кушетке прямо у него в кабинете. Я благоразумно не стал рассказывать ему о том, как мы ехали в больницу и я молил судьбу, чтобы Мишка остался жив. Однако... Однако я начал думать уже тогда (и считаю так до сих пор, пусть меня хоть режут), что в тот вечер именно мне удалось отогнать от

своего друга смерть. Отогнать – сам не знаю как. Раньше я никому о том не рассказывал. Софья, – он кивнул в сторону девушки, – стала первой. А теперь вот и вы...

– Расскажи, что дальше стало с твоим другом, – негромко попросила девушка.

– Эпилог этой истории не трагичен, но печален, – промолвил Аркадий. – Деньги в тот вечер наши пограничники, разумеется, доставили до места назначения. Местное ОГПУ по факту нападения на нас начало следствие. Они совершенно справедливо предположили, что засада оказалась на нашем пути не случайно. Бандиты знали, что в тот день повезут деньги, и знали, куда и каким маршрутом. Гэпэушники стали трясти тех, кто был в курсе: работников дорожного управления, служащих горбанка... Но в конце концов подозрение пало – как вы думаете, на кого? – на невесту моего Мишки. Она была из местных, черкешенка. Он, опьяненный любовью, в тот день сболтнул ей, что мы приехали в город за деньгами. Она успела передать ценную информацию своему брату. А тот, в свою очередь, был связан с душманами и успел поднять в ружье банду. После такого предательства отношения Михаила с восточной красоткой, подставившей нас под пули, разумеется, прекратились. В маленьких городах, да еще на Кавказе, где все друг другу родственники, о ходе следствия разве что на базаре не талдычили... Поэтому семья черкешенки увезла ее в горы и стала прятать там от ареста. Не знаю, нашли ли ее в итоге гэпэушники или нет,

скорее нашли. А Мишка, чтобы и его не примотали к делу, от греха подальше упросил доктора выписать его раньше положенного и немедленно завербовался на Колыму, строить дорогу. Насколько я знаю, он и сейчас там. С тех пор мы с ним больше не виделись. Мне он не пишет.

Аркадий смолк. Стало отчетливо слышно, как в костре постреливают дрова. Наконец к рассказчику обратился Дмитрий. Голос его звучал саркастически:

– А ты с тех пор заделался бабкой-колдуньей и стал лечить заговорами и наложением рук.

Аркадий отвечал со спокойным достоинством:

– Нет, никаким врачевателем-шаманом я себя не считаю.

Однако и потом случалось, что я спасал людей.

– Расскажи, – попросила Софья.

– Таких случаев, кроме истории с Мишкой, было еще два.

И каждый раз – я вывел это для себя – получалось вылечить тех людей, которых я очень сильно любил.

При словах о любви, прозвучавших в устах Аркадия, глаза девушки застыли. Тот этого не заметил и продолжал:

– Однажды я был здорово влюблен, и моя пассия заболела крупозным воспалением легких. Врачи заявили, что вряд ли смогут помочь ей, и практически отказались от нее. Я забрал девушку из больницы, сидел у ее постели, не отходя ни на шаг, два дня и две ночи. Я поил ее куриным бульоном, вытирал со лба пот влажным полотенцем... А главное – держал ее за руку и уговаривал не умирать, не уходить, не бросать ме-

ня. Я отгонял смерть, молил Провидение оставить мою любовь со мной. Утром третьего дня ей стало лучше, а потом она очень скоро пошла на поправку... Интересно, что, когда она выздоровела, мы довольно быстро разошлись с ней. У девушки оказался вздорный характер, и я с трудом представлял себе, как я мог когда-то мечтать, чтобы она провела со мной всю мою жизнь...

– Ты, наверно, пожалел, что ее воскресил, – с иронией заметила Софья.

– О настоящей любви никогда не жалеют, – мгновенно откликнулся Аркадий, – даже если она окончилась ничем или принесла горе.

– А еще? Расскажи про утопленницу, – попросила девушка.

– Да, утопленница!.. Я, наверно, тоже влюбился в нее, хотя видел первый раз в жизни. Но она была очень красивая... Ее нашли на пляже в Гаграх. Девушка провела под водой час, не меньше. Она не дышала, и даже врач из санатория сказал, что медицина здесь бессильна. Но мне так стало жалко, что она умрет, что я бросился к ней. Зеваки смотрели на меня, как на сумасшедшего. Я изображал, что делаю ей искусственное дыхание, а в действительности заклинал, чтобы она не умирала. Уговаривал ее остаться. И в какой-то момент она вдруг дернулась, исторгла из себя воду и открыла глаза... Её забрали долечивать в больницу, а мне пришлось уматывать из санатория раньше срока, потому что я стал местной до-

стопримечательностью. Прохода не давали, – с улыбкой до-
кончил Аркадий, – просили исцелить, кто – экзему, кто – за-
ячью губу. Апофеозом стал грузинский князь, который обе-
щал меня озолотить, если я вылечу его дочь-горбунию... Той
же ночью я сел на поезд до Москвы... Впрочем, – прервал
сам себя Аркадий, – мы все вручили вам, – он коротко по-
клонился старику, – свои, что называется, верительные гра-
моты. Не пора ли вам рассказать, кто вы? И зачем мы с вами
встретились?

Старик обвел нестерпимо-ярким взором гостей – никто не
смог выдержать его взгляд, все опустили глаза. Промолвил:
– У меня нет готовых ответов. Только догадки. И гипоте-
зы.

– Валяйте же, – с очаровательной невежливостью, свой-
ственной молодости и потому извинительной, проговорила
девушка. – Мы устали ждать.

– Во-первых, я могу с уверенностью утверждать, что вы
не одиноки. Вас – или, если угодно, *нас* – мало, но мы все же
являемся на свет. Я думаю, нас, *избранных*, рождается один
человек на миллион. А может быть, и того меньше. Кто-то
из нас умеет проходить сквозь стены. Кто-то понимает язык
животных. Кому-то ведомо будущее. Кто-то лечит тяжелей-
шие болезни словом или наложением рук... Кто мы? Откло-
нение в эволюции? Тупиковая ветвь в естественном отборе?
Я не знаю... А может, наоборот, мы не отступление от нор-
мы, а *новая норма*? Может, именно через нас совершенству-

ется человечество? Благодаря нам? А если мы станем держаться вместе, и заключать браки друг с другом, и рожать детей – возможно, таких, как мы, будет все больше? И когда-нибудь все люди научатся читать мысли, исцелять силой слова и левитировать – то есть летать без помощи механизмов...

Речь Алексея Викентьевича завораживала. Гости смотрели на него во все глаза.

– Я думаю, – продолжал он, – что мы, избранные, были всегда. Мы становились жрецами в Древнем Египте. В античном мире – пифиями и оракулами. Как колдунов и ведьм, нас карала святая инквизиция, сжигала на кострах. Кто-то из нас объявлял себя пророком и основывал новые религии. Кто-то выходил в святые угодники: врачевал, наставлял, творил чудеса, предсказывал будущее... А в диких племенах мы становились (и посейчас становимся) шаманами... Где-то нас запирали в дома скорби и заточали в монастыри... И только здесь, в Советском Союзе, и сейчас, в первой половине двадцатого века, мы получили невиданный ранее исторический шанс...

– Шанс? Какой? – тихо, одними губами спросила Софья, однако старик расслышал ее.

– Наш шанс – объединиться. Держаться вместе. Изучать самих себя и собственную природу.

– А почему этот шанс вдруг возник именно сейчас? – рубанул Дмитрий. – Что такого особенного для вас в текущем

историческом моменте?

– Вы, Дима, простите, какого года рождения? – вопросом на вопрос ответил старик.

– Я? Девятьсот одиннадцатого.

– А вы? – обратился он к Софье.

– Вообще-то женщинам подобных вопросов не задают, – кокетливо рассмеялась девушка. – Но я на него могу еще пока отвечать чистойшую правду. Мне девятнадцать лет – стало быть, я ровесница революции, тысяча девятьсот семнадцатого года рождения.

– А я – девятьсот девятого, – не дожидаясь вопроса, промолвил Аркадий. – Но при чем здесь наш возраст?

– Возраст имеет большое значение. Потому что вы первое в цивилизованном мире поколение за последние две тысячи лет, живущее *вне* религии и *без* религии. Конечно, когда-то вас, наверное, крестили. И даже приводили за ручку в церковь...

– Меня – нет, – гордо отмежевалась девушка.

– ...Но вы атеисты, разве нет? Ваше детство, и отрочество, и юность – они ведь прошли вдали от церкви, не так ли?

Никто не возразил.

– Мы живем в безбожном государстве, – продолжал Алексей Викентьевич, – и для нас это великолепная возможность. Она впервые представилась нам – возможность познать самих себя. Представьте: если бы вы, с вашими талантами, родились сто, двести лет назад? Как бы вы объясняли сами себе

свои способности? Божьей благодатью. Господней милостью. Кем бы вы стали в те времена, когда в обществе заправляли попы и монахи? Святыми целителями и предсказателями, вы вершили бы чудеса к вящей славе монастырей. Или, может, вы превратились бы в сектантов, создавали новые религии, и тогда бы вас преследовали и заточали в подземелья. Но теперь мы свободны от мистики и метафизики любого рода. В стране, где церковь отделена от государства, мы можем сами познать себя и служить себе... Как служили самим себе революционеры, основатели нашей большевистской партии...

– Вы хотите сказать, – тихо переспросила Софья, – что наши вожди тоже были, м-м, *необыкновенными*?

– Конечно! – с живостью воскликнул старик. – Я ведь хорошо знал их многих! А как вы думаете, если б дело обстояло иначе, смог бы Ленин с горсткой соратников устроить революцию в огромной стране? Мог бы Троцкий одной речью завоевывать тысячи сторонников и убеждать целые дивизии поворачивать штыки в нужную сторону? А Сталин – да ведь он просто умеет читать мысли, я знаю...

Когда разговор коснулся политики, и Аркадий, и Дмитрий подобрались, нахмурились. Алексей Викентьевич почувствовал их напряжение, махнул рукой.

– Но не будем лезть в дебри... Вернемся к вашей личной судьбе... Вы – или, по крайней мере, двое из вас – сумели расслышать мой *зов*, и потому вы здесь... Здесь, в горах, я не один... Нас, таких же, как вы, здесь немного, всего лишь

четверо... Мы живем уединенно, все вместе, коммуной... У нас свое хозяйство. Овощи, фрукты, имеются коровы и куры. Мы сами ухаживаем за ними, сами печем хлеб, стараемся ни с кем из посторонних не общаться. Мы отказались от общественной жизни. Но зато мы заняты друг другом, и с помощью коллег совершенствуем свои таланты... И я приглашаю вас присоединиться к нам. Легкой жизни я вам не обещаю. Но обещаю, что она будет интересной. Впрочем, – старик обвел своим пронзительным взором гостей, – я приглашаю не всех. Один из вас троих мне солгал. И он не избранный. Он здесь, – старик коротко и невесело хохотнул, – совсем по другому делу.

Двое мужчин и девушка переглянулись между собой. Недоумение, настороженность и подозрительность выражали их взгляды. Алексей Викентьевич продолжил:

– И я прошу этого человека – он ведь знает, о ком я говорю, – встать и уйти. И забыть место, где он был, и то, что он здесь слышал. Прошу!

Старик по очереди осмотрел пришедших. Никто не двинулся с места.

– Ну, хорошо, – молвил он. – Тогда небольшое испытание. Он достал из своей пастушьей сумки три обреза охотничьих ружей. Протянул их по очереди гостям, аккуратно держа за дуло.

– Ружья заряжены. Но я не хочу подвергать вас смертельной опасности, поэтому они заряжены не жаканами, не дро-

бью и даже не солью. В каждом – по два патрона, начиненных капсулами с красной краской. Вы сейчас возьмете обрезы и отойдете на тридцать шагов от костра. Вы, – кивнул он девушке, – на север. Вы, Дмитрий, на восток. А вы, Аркадий, на запад. Завязывать глаза я вам не буду. Ночь по-прежнему темна. Не видно ни зги. По моей команде вы начнете стрелять. Тот, в кого попадет краска, – проиграл. И он немедленно отсюда уходит. Условия ясны?

– А если я не умею стрелять? – вклинилась девушка.

– Вы *умеете* стрелять, – с нажимом сказал старик. – Сейчас все девушки умеют стрелять. Начинаем!

Он хлопнул в ладоши.

Гости, каждый с обрезом в руках, нехотя поднялись и потащились от костра в разные стороны. Через пять шагов они исчезли в темноте. Алексей Викентьевич остался у огня в одиночестве. Выждав еще полминуты, он выкрикнул: «Пли!»

Три выстрела слились в один.

Во лбу сидящего у костра старика вдруг появилась алая точка. Его тело дернулось и завалилось набок.

И в тот же самый миг откуда-то вдруг ударил нестерпимо яркий электрический свет.

Два луча прожектора, вспыхнувших в соседнем перелеске, поймали в свое перекрестие полузатухший костер. Возле него недвижно лежал старик. У его головы расплывалась лужа черной крови.

Прожекторы выхватили из темноты и троицу, стоявшую по разные стороны от костра на равном от него удалении. Двое из них, Аркадий и Софья, сжимали обрезы.

А у Дмитрия в правой руке оказался наган.

Оба его плеча, и правое, и левое, были испачканы красной краской.

Из перелеска донесся усиленный рупором мужской голос:
– Всем бросить оружие! Поднять вверх руки!

Обрезы и наган полетели на землю. Все трое живо вскинули руки.

А навстречу им, из перелеска, уже бежали с винтовками наперевес люди в новенькой форме бойцов НКВД...

Строго секретно, в одном экземпляре
Комиссару госбезопасности 1 ранга
КАПУСТИНУ Л.М.

29 августа 1936 г.

ОПЕРАТИВНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

28 августа 1936 года операция «Шторм» вошла в свою завершающую стадию. Агенту «Оракулу», под прикрытием легенды о якобы имеющихся у него экстраординарных способностях, удалось встретиться с руководителем контрреволюционной организации так называемых «ясновидцев» – гр-ном ЕРМОЛОВЫМ Алексеем Викентьевичем (1880 года рождения, не работающий, из дворян). Встреча состоялась в пустынной горной местности, в двадцати километрах к юго-востоку от аула Архыз. (Карта местности

прилагается.)

Для подстраховки агента и возможного захвата ЕРМОЛОВА и его приспешников в непосредственной близости от места встречи был скрытно развернут взвод бойцов НКВД. Вместе с «Оракулом» во встрече с ЕРМОЛОВЫМ участвовали еще двое так называемых «ясновидцев»: гр-ка МАРКОВА Софья Андреевна (1917 года рождения, студентка, проживающая в г. Москве) и гр-н СЕРЕБРЯКОВ Аркадий Петрович (1911 года рождения, горный мастер, прописанный в г. Краснодаре). «Оракул» использовал МАРКОВУ и СЕРЕБРЯКОВА, которые якобы тоже обладают неординарными способностями, для того чтобы с их помощью выйти на ЕРМОЛОВА, явно заинтересованного в пополнении своей контрреволюционной сети «ясновидцев» новыми приспешниками.

В ночь с 28 на 29 августа состоялась встреча ЕРМОЛОВА с «Оракулом», а также с МАРКОВОЙ и СЕРЕБРЯКОВЫМ. В ходе беседы с ними ЕРМОЛОВ неоднократно допускал высказывания, порочащие советский строй и его руководителей, а также фактически признал существование контрреволюционного подполья, так называемых «ясновидцев». (Отчет агента «Оракула» прилагается.) Во время разговора ЕРМОЛОВУ, обладающему высоким интеллектом и обостренной интуицией, удалось расшифровать нашего агента. Чтобы предотвратить возможный собственный провал,

«Оракул» применил имевшееся при нем личное оружие. После того как прозвучал выстрел, мною был отдан приказ силами вверенного мне взвода захватить всех четверых. Операция прошла успешно, однако выяснилось, что агент «Оракул» убил ЕРМОЛОВА наповал. МАРКОВА и СЕРЕБРЯКОВ задержаны.

Поиски базового лагеря «ясновидцев», в котором, по заявлению ЕРМОЛОВА, проживали, помимо него, трое других «ясновидцев», начаты немедленно. Они продолжаются до сих пор силами двух взводов войск НКВД, однако пока к успеху не привели.

Ст. л-т ГБ

СИЛИН В.К. (подпись)

На рапорте красным карандашом имеется резолюция:

Агента «Оракула», провалившего операцию, арестовать и предать суду.

Ст. л-та ГБ Силина, провалившего операцию и допустившего смерть Ермолова, – разжаловать в рядовые и перевести охранником в систему ГУЛАГ.

Маркову и Серебрякова после тщательного допроса отпустить. Создать все условия для их полноценной жизни и работы и начать, чрезвычайно осторожно, вербовочную работу с ними.

* * *

О дальнейшей судьбе «ясновидцев» Софьи Марковой и

Аркадия Серебрякова известно немногое.

В декабре 1936 года они поженились.

А в ноябре 1938 года их вдвоем, под именем супругов Симоны и Йохана Ван дер Вальд, забросили в Западную Европу для создания нелегальной разведывательной сети.

В январе 1945 года Марковой и Серебрякову за операцию «Красный медведь» присвоено звание Героев Советского Союза.

После 1945 года дальнейшая деятельность Ван дер Вальдов (Софьи Марковой и Аркадия Серебрякова) полностью засекречена.